

УДК 316.7:327.8+32.019.5+004.056

Ковалев А. А.,*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС***Влияние информационно-технологических вызовов на российский
национальный менталитет****DOI:10.33979/2587-7534-2025-2-182-192**

В статье рассматриваются механизмы влияния зарубежных специальных служб и аффилированных с ними структур на национальный менталитет России через информационные, технологические и культурные инструменты. Анализируются различные методы манипуляции общественным сознанием. Особое внимание уделяется скрытым формам вмешательства, направленным на размывание ценностных ориентиров, искажение исторической памяти и создание негативного образа России на международной арене. Обосновывается необходимость комплексного противодействия этим процессам, предполагающего не только технологический и правовой контроль, но и укрепление национального самосознания, развитие медиаграмотности, наращивание наступательных мощностей и усовершенствование культурной политики.

Ключевые слова: *специальные службы, информационные войны, манипуляция сознанием, технологическая зависимость, цифровой надзор, культурные кодовые стратегии, противодействие влиянию, международное влияние, стратегические операции, медиаграмотность.*

Kovalev A. A.,*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Northwestern Institute of Management RANEPA***The impact of information technology challenges on the Russian national
mentality**

The article examines the mechanisms of influence of foreign special services and their affiliated structures on the national mentality of Russia through information, technological and cultural tools. Various methods of manipulation of public consciousness are analyzed. Special attention is paid to hidden forms of interference aimed at blurring values, distorting historical memory and creating a negative image

of Russia in the international arena. The article substantiates the need for comprehensive counteraction to these processes, involving not only technological and legal control, but also strengthening national identity, developing media literacy, increasing offensive capabilities and improving cultural policy.

Keywords: *special services, information wars, mind manipulation, technological dependence, digital surveillance, cultural code strategies, countering influence, international influence, strategic operations, media literacy.*

В настоящее время многонациональные государства, такие как Россия, сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, порожденными геополитическими столкновениями, цифровыми трансформациями и процессами глобализации. В таких условиях международные отношения многократно усложняются, а национальный менталитет как базовая единица существования и жизнедеятельности государства и общества подвергается колоссальной нагрузке. И одним из факторов, оказывающих негативное влияние на национальный менталитет, выступает деятельность иностранных спецслужб с опорой на новейшие технологии [Гринин, Гринин, 2023: 71]. Стремительно расширяющееся информационное пространство позволяет зарубежным спецслужбам и международным организациям оказывать воздействие, как скрытое, так и открытое, на российское общество. Среди ключевых механизмов информационного давления выделяются тщательно спланированные медийные кампании, формирование гибридных угроз, распространение антироссийских нарративов за рубежом (в том числе и на постсоветском пространстве), а также создание технологической зависимости, ограничивающей самостоятельность в цифровой сфере.

Внешнее давление не ограничивается дестабилизацией экономики или политических институтов; оно затрагивает фундаментальные основы социальной реальности, охватывая культурную и духовно-нравственную сферу, формирующую национальный менталитет, при этом не просто совокупность привычек и обычаев, а целостный духовно-культурный феномен, отражающий исторический опыт народа, его ценностные установки, символические коды и способы мышления. Таким образом, манипулирование сознанием, размывание ценностных ориентиров и насаждение чуждых норм поведения угрожают не только политической и экономической стабильности, но и самому существованию общества в его сложившейся исторической форме [Бодрунов, 2021: 59].

Одним из способов влияния на национальную безопасность государства и его граждан является деятельность спецслужб иностранных государств, воздействующая на национальный менталитет. Подобные информационно-ментальные атаки проводятся в рамках «гибридных» войн современности.

Многие зарубежные государственные и негосударственные структуры, среди которых Госдепартамент США (U.S. Department of State), Британский Совет (British Council), Национальный фонд демократии (National Endowment for

Democracy), а также крупные международные медиахолдинги, например BBC, CNN, Deutsche Welle и Radio Free Europe/Radio Liberty, небезосновательно рассматривают национальный менталитет как важнейший ресурс, контроль над которым определяет не только политическую стабильность, но и будущее развитие России [Иванов, 2020]. В философско-антропологическом отношении подобные вмешательства затрагивают не только отдельные социологические показатели или политические настроения, но и фундаментальные уровни общественного сознания.

В международном пространстве действуют медиа, ориентированные на определенную идеологическую повестку и прибегающие к приемам нагнетания эмоций и ассоциативных манипуляций. С помощью таких приемов проводится игра на страхе и сострадании с целью формирования устойчивых негативных образов. Такие методы воздействия нередко применяются против современной России. Так, дело об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей рассматривалось в международной прессе не только как отдельный эпизод, но и как сюжет, вокруг которого разгорались дискуссии, затрагивающие доверие к российским властям, этический облик страны и ее граждан. В результате человек бывает вынужден воспринимать какой-либо факт или обстоятельство, касающиеся Другого, не через рациональные доводы, а через навязанные личные впечатления.

В то же время существует более скрытая форма подрывной деятельности, предполагающая постепенное проникновение в культурные и социальные пространства противника. Особенно эффективны подобные методы воздействия в молодежной среде, которой присущ максимализм и нередко даже бескомпромиссность. При этом демонстративное противопоставление себя окружающей среде становится особенно привлекательным, когда господствующий культурный канон воспринимается молодыми поколениями как недоступный или утративший актуальность. Например, деструктивное воздействие на российскую молодежь оказывало международное движение «Колумбайн» (признано в России террористическим), которое в течение длительного времени распространяло деструктивные идеи. Важно отметить, что символика, атрибутика и образ «героя-одиночки», создаваемый вокруг криминальных историй, не выстраивались как прямая конфронтация с государством, а развивались в виде субкультуры, предлагающей альтернативные ценности и модели поведения. В результате желание молодого поколения обрести особую идентичность может приводить к формированию неконтролируемых микросообществ, в которых радикализация мышления и поступков усиливается под воздействием групповой психологии [Цвык, Цвык, 2021].

Развитие технологий привело к формированию систем цифрового надзора, обеспечивающих мониторинг пользовательской активности, анализ данных и прогнозирование поведения на основе алгоритмов. Способность алгоритмических систем собирать информацию о предпочтениях граждан, анализировать их психологический и поведенческий профиль предоставляет внешним силам возможности для тонкой манипуляции, приводящей в результате

к постепенной трансформации восприятия [Бакланов, Пелевин, 2022: 63]. Так человек утрачивает способность отличать навязанные модели поведения от собственных моральных ориентиров, согласующихся с нормами и принципами национального менталитета. Возникающая размытость самоидентификации как результат подобных манипуляций нередко приводит к восприятию культурного наследия как архаичного элемента, а традиций — как некоего препятствия на пути к развитию государства и нации.

Многие технологические компании тесно связаны с правительственными структурами стран, где они зарегистрированы. В США взаимодействие корпораций с государственными органами особенно заметно на примере Google, Microsoft, Amazon и Meta* (*компания считается экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена в России*), которые сотрудничают с Агентством национальной безопасности (National Security Agency), Центральным разведывательным управлением (Central Intelligence Agency) и Пентагоном в рамках программ обработки данных, прогнозной аналитики и кибербезопасности. Компания Amazon Web Services предоставляет облачные сервисы для ЦРУ, а Google работал с Министерством обороны США над проектом Maven, направленным на разработку технологий искусственного интеллекта для военных целей [Tromblay, 2023: 1062]. В Китае крупнейшие технологические гиганты, такие как Huawei, Tencent и Alibaba, поддерживают тесные связи с Министерством государственной безопасности (Ministry of State Security) и участвуют в программах цифрового контроля и анализа данных [Jonsson, 2023: 84]. Huawei вовлечен в создание сетей 5G, вызывающих опасения у западных стран из-за возможного сбора информации для китайского правительства. Tencent, владеющий мессенджером WeChat, сотрудничает с государственными структурами в области мониторинга цифрового контента, а Alibaba разрабатывает системы искусственного интеллекта, применяемые в программах цифрового наблюдения. Взаимодействие спецслужб с крупными интернет-корпорациями выходит за рамки официально декларируемых исследований, формируя конгломерацию коммерческих и геополитических интересов. Симбиоз корпораций и государства приводит к проникновению в образ жизни людей, их повседневное общение и процесс самоопределения новых поколений. Для системы национальной безопасности данные угрозы стали остроактуальными.

Особое внимание уделяется распространению русофобии, которая часто представляется как критическое осмысление «имперского» прошлого России или принципиальное несогласие с ее внешнеполитическим курсом. Основная цель такой политики — создать впечатление глобальной изоляции россиян и вызвать у части населения чувство вины или стыда. Воздействие усиливается за счет информационного давления через международные СМИ, среди которых The Washington Post, Le Monde, Reuters, The New York Times, The Guardian, транслирующие нарративы о России как государстве-изгое, утратившем связь с мировым сообществом. В социальных сетях Twitter (X), YouTube, Reddit распространяется контент (дискуссии, мемы и комментарии), способствующий

формированию ложных представлений о культурной отсталости, изоляции и агрессивности России. В русскоязычном сегменте интернета также ведутся информационные атаки путем искусственного создания поводов для обсуждений, подрывающих национальную идентичность [Полежаев, 2017: 63].

Таким образом, разнообразие методов, применяемых в подрывной деятельности, отражает многоаспектность человеческой культуры, где взаимодействуют социальные, психологические, технологические и моральные факторы. На базовом уровне стратегия затрагивает не только общественные институты, но и основы личности, подменяя культурные корни искаженными образами реальности.

На уровне массового сознания формируется образ опасной и непредсказуемой России, подпитываемый постоянной циркуляцией негативных сюжетов о ее внутренней жизни и международных действиях. Русофобия популярна по разным причинам, в том числе из-за событий вокруг Украины последнего десятилетия. Так, в Польше и Чехии антисоветская и антироссийская риторика во многом основана на исторических событиях XX века, тогда как в Литве, Латвии и Эстонии активно продвигаются нарративы, связывающие российскую политику с угрозами национальному суверенитету и безопасности. После 2014 года на Украине антироссийские настроения закрепились на государственном уровне, став частью официального политического дискурса. В США и Великобритании Россия представляется как источник гибридных угроз, от кибератак до дезинформационных кампаний и вмешательства во внутренние дела. В России также видят угрозу такие международные игроки, как Германия, Франция, Швеция, Норвегия, Австралия, Канада, Япония и пр.

Особое место в политике русофобии занимают усилия развитых государств по удержанию своего технологического лидерства. Так создаются дополнительные барьеры, которые приводят к зависимости России от внешних поставок оборудования, программного обеспечения и производственных мощностей. Тем самым Россия целенаправленно отторгается конкурентами от важнейших процессов, поддерживающих государственный суверенитет в современном мире [Кузнецова, 2020: 28].

Русофобия усиливается с помощью технологий, благодаря которым россияне, во-первых, узнают о неприязни к себе и всему русскому непосредственно от источника неприязни (цифровое общение без географических границ этому способствует); во-вторых, лишаются права на конструктивное общение с миром и ведение полноценной современной жизни, становящейся таковой благодаря технологиям. В результате негативный опыт на цифровых платформах переносится на более широкий социальный фон: возникает чувство предвзятости и изоляции, возрастает недоверие ко всему зарубежному, а также усиливается внутривнутриполитическое напряжение в России, вносящее деструктивные начала во внутривнутрироссийские процессы жизнедеятельности.

В настоящее время по-прежнему актуальна проблема «утечки умов», особенно среди российской молодежи. Так, многие выпускники инженерных и

естественных наук ориентируются на поступление в ведущие мировые университеты: Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology), Стэнфордский университет (Stanford University), Гарвардский университет (Harvard University), Оксфордский университет (University of Oxford) и ряд других — поскольку именно они формируют глобальные научные стандарты. В сфере IT и цифровых технологий выпускники стремятся попасть в Google, Microsoft, Apple, Amazon, Meta, а в аэрокосмической и автомобильной промышленности — Boeing, Airbus, SpaceX, Tesla. Грантовая политика западных стран, представленная программами Fulbright, Erasmus Mundus, Chevening и DAAD, создает дополнительные стимулы для академической миграции, закрепляя представление о том, что лучшие карьерные перспективы открываются за пределами России [Hoffmann, 2021]. Этот стереотип является частью национального менталитета россиян, который транслирует привлекательность всего чужеродного.

Тем самым Россия в представлениях ряда государств является отсталым государством. Сложившаяся ситуация создает тревожную перспективу: национальная идентичность, тесно связанная с представлениями о культурном и научном вкладе в мировое наследие, оказывается подорванной. Человек, находясь в таких условиях, постепенно теряет уверенность в способности своего народа создавать инновационную продукцию, совершать открытия, влияющие на развитие человечества.

Анализируя описанные процессы с точки зрения возможностей России, необходимо признать, что преодоление технологической зависимости невозможно без критического переосмысления внешних оценок и отказа от упрощенного восприятия иерархии «передовой Запад — отстающий Восток» [Пелевин, 2021: 97]. У каждого народа свой уникальный путь развития, в том числе технологического. При этом для реализации имеющегося потенциала необходимо системное развитие научных институтов, образовательных программ, инфраструктуры, создающей условия для самореализации изобретателей, инженеров и ученых на родине. Достижение поставленной цели требует мобилизации ресурсов и осмысленной государственной политики, повышающей статус высокотехнологичных отраслей и формирующей условия для конкурентных разработок.

В эпоху цифровых сетей и мгновенных коммуникаций, когда человеческая повседневность пронизана информационными потоками, иностранное вмешательство может происходить на тонком уровне восприятия, не всегда осознаваемом человеком [Манойло, 2017: 148]. Личность — это носитель идентичности, формирующейся под влиянием вербальных и визуальных символов, социальных ритуалов, исторической памяти и повседневных риторических практик. Поэтому противодействие деятельности иностранных спецслужб по программированию сознания и порабощению воли требует всестороннего решения, охватывающего работу с культурными, психологическими и коммуникативными процессами с выходом за пределы технических или репрессивных мер.

Особое внимание уделяется тому, как внешние игроки стремятся воздействовать на представления людей о норме, правде, патриотизме, традиции и даже о будущем [Бондаренко, 2023]. Внедрение альтернативных концепций зачастую не проявляется в форме открытой антироссийской пропаганды; вместо этого применяются скрытые методы контентной адаптации, при которых темы, вызывающие повышенный эмоциональный отклик, раскрываются и преподносятся в варианте, отличном от традиционного. Информационные вбросы могут быть нацелены на конкретных индивидов, поведенческие особенности которых анализируются с помощью онлайн-аналитики и алгоритмов, способных классифицировать людей по психологическим характеристикам, интересам и уровню критического мышления. Технологические гиганты, работающие на глобальном рынке, предоставляют соответствующим структурам доступ к массивам пользовательских данных, позволяя подбирать ключи к умонастроениям различных возрастных и социальных групп. Помимо крупнейших интернет-корпораций, таких как Palantir Technologies, Oracle, SAP, Baidu и ByteDance, значительную роль играет использование облачных платформ и рекламных сетей, ориентированных на сбор информации для создания точных поведенческих профилей. Для одних пользователей эффективным оказывается образ авторитарной России, для других — темы свободы выбора и новизны, формирующие представление о несовместимости российского опыта с так называемыми продвинутыми стандартами.

Контроль над информационным пространством зависит от двух взаимодополняющих составляющих. Во-первых, существует технологическая инфраструктура, позволяющая оперативно отслеживать, анализировать и при необходимости блокировать потоки, несущие явную угрозу правопорядку и стабильности общества. Во-вторых, государство должно избегать откровенной пропаганды в процессе формирования контента, способного служить антитезой иностранным психологическим операциям. Усиление контроля над интернетом или социальными сетями может приводить к обратному эффекту, когда общество воспринимает подобные меры как посягательство на личные свободы и реагирует ростом скептицизма. В таких условиях особенно важна проработанная культурная политика, обеспечивающая идейную основу всей деятельности контрразведывательных служб.

Примечательно, что успех в процессе защиты национального менталитета от внешнего вмешательства, которое становится возможным (и весьма успешным) благодаря деятельности иностранных спецслужб, складывается не только из оборонительных акций. Напротив, Россия должна стремиться к тому, чтобы усовершенствовать навыки наступательных операций. В настоящее время официальная российская риторика по вопросам информационной войны и ментального противоборства направлена на демонстрацию негативных последствий атак противника и собственных усилий по противодействию им. Складывается впечатление, что Россия негласно принимает на себя роль вечного объекта нападений (информационных, ментальных, духовных), будто не

имеющего права и возможности достойного ответа на подобные акции. Однако если Россия стремится к тому, чтобы достичь и сохранить статуса ведущего мирового игрока, необходимо развиваться и в сфере наступательной деятельности, безусловно, сначала преодолев технологическое отставание от своих соперников. Тем самым наше государство должно стремиться демонстрировать своим гражданам и всему остальному миру не только покладистость, неконфликтность и умение отражать «гибридные» атаки, но и возможность поражать врага их же оружием [Daugirdas, 2021].

Иными словами, мирный настрой государства и нации не должен служить маркером слабости для других стран. Навязываемый всем миром России «синдром вины» плохо сказывается на национальной менталитете, вызывая у общества негативные установки и представления о собственном прошлом (например, с помощью переписывания истории или обвинения в нарушении международного права) и обесценивая чувство причастности к настоящему и будущему посредством нивелирования патриотических чувств и гордости за свою страну.

Россия должна развиваться в разных направлениях, способствующих защите национального менталитета. Поэтому сотрудники спецслужб должны не только обладать опытом оперативной деятельности, но и разбираться в тонкостях социокультурной структуры, уметь анализировать социальные процессы, распознавать скрытые идеологемы, понимать психологические особенности разных возрастных и профессиональных групп. Эффективное противодействие угрозе негативного воздействия на национальный менталитет требует систематического сбора данных о том, какие именно смыслы распространяются в медиаполе и как они соотносятся с привычными культурными кодами [Григорьев, Григорьева, 2020]. Если деструктивная идея получает популярность среди молодежи, ее продвижение, вероятно, учитывает свойственное этому возрасту стремление к бунтарству и поиску самобытности. В случае дискредитации исторического наследия расчет может быть сделан на более зрелую аудиторию, испытывающую разочарование в социально-экономических условиях и подверженную ностальгическим мотивам.

Формирование устойчивости общественного сознания требует введения регулярных просветительских и образовательных программ, разъясняющих механизмы функционирования медиaprостранства, логику вбросов и манипуляций, способы распознавания фальсификаций. Подобная работа не должна ограничиваться школьными уроками или университетскими лекциями, она должна охватывать сферу досуга, медиадискурс и деятельность творческих союзов. Ведь человек, обладающий достаточным уровнем медиаобразования, менее подвержен деструктивным внушениям, поскольку способен критически воспринимать «громкие» заголовки и «сенсационные» заявления, не позволяя манипулятивным стратегиям подменять реальную картину мира.

Особую остроту проблеме придает развитие технологий, позволяющих не только распространять ложные факты, но и конструировать многослойные иллюзии, создавая атмосферу псевдоаутентичности. Новейшие технологии

позволяют создавать эффект «реального свидетельства» с помощью постановочных видеороликов, поддельных документов и виртуальной стилизации под живое общение. Виртуальная среда размывает границы между документальной хроникой и художественным вымыслом, усиливая эффект дезориентации. Недостаточная способность к критической оценке источников информации (текстовой, аудио-, видео- и пр.) приводит к тому, что навязанные искаженные установки воспринимаются как собственные убеждения, особенно если они эмоционально подкреплены. Использование технологических инноваций превращается в определенное оружие смыслов, позволяя внешним игрокам манипулировать общественным сознанием, настраивать целые сообщества против собственного государства, оставаясь при этом в тени и избегая прямой ответственности [Анохин, Бочанов, 2010: 81].

Противодействие подобным процессам возможно лишь при разработке и внедрении в России отечественной цифровой экосистемы, способной обеспечить не только защиту от внешнего несанкционированного вмешательства, но и создание конкурентных национальных платформ. Контроль над потоками информации не будет восприниматься как диктат «сверху», если станет естественной функцией среды, где приоритет получает безопасное, качественное и многообразное содержание. Важно, чтобы спецслужбы, занимающиеся сбором и анализом сведений, опирались на этические и правовые нормы, четко осознавая границы своих полномочий. Если общество видит прозрачность и логичность государственных механизмов, то оно не погружается в страх и подозрения, а поддерживает взаимный диалог, основанный на уважении и сопричастности к общему делу. Такое взаимодействие требует понимания мотивации и интересов людей из разных регионов, поколений и мировоззренческих позиций. Тем самым национальный менталитет зависит не только от силы и ресурсной базы, но и от способности государства создавать для граждан пространство, в котором они ощущают свою культурную ценность, связь с историческим наследием и уверенность в будущем.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что информационное пространство становится ареной не только для распространения новостей и культурных феноменов, но и нередко используется для стратегических манипуляций, направленных на трансформацию национального менталитета. Влияние зарубежных спецслужб, медиаструктур и технологических корпораций затрагивает фундаментальные элементы коллективной идентичности, оказывая деструктивное влияние на национальный менталитет и способствуя размыванию традиционных ценностей, искажению исторической памяти и формированию культурных зависимостей. Тем самым проблема сохранения национального менталитета выходит за рамки политических или экономических аспектов, приобретая философско-антропологическое значение.

Для эффективного противодействия подобным вызовам необходим комплексный подход, предполагающий не только защиту информационного пространства, но и создание конкурентных национальных цифровых платформ,

развитие отечественной науки и образования, а также культурную политику, направленную на сохранение и укрепление идентичности россиян. Особое значение приобретает воспитание граждан с высоким уровнем медиаграмотности, способных критически воспринимать информационные потоки и противостоять внешним манипуляциям. Защита национального менталитета не должна сводиться исключительно к репрессивным мерам или информационным ограничениям. Этот процесс требует духовно-нравственной и интеллектуальной опоры, основанной на культурных и исторических традициях, в которых задействованы и государство, и общество.

Список литературы

Анохин, Бочанов, 2010 – *Анохин М. Г., Бочанов М. А.* Информационные технологии «цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 78-85.

Бакланов, Пелевин, 2022 – *Бакланов И. С., Пелевин И. С.* Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 60-67.

Бодрунов, 2021 – *Бодрунов С. Д.* Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 203, № 4. С. 54-65.

Бондаренко, 2023 – *Бондаренко В. М.* Технологическое развитие, информационное общество, искусственный интеллект: настоящее и будущее России и мира // Информационное общество. 2023. № 6. С. 2-12.

Григорьев, Григорьева, 2020 – *Григорьев А. Ф., Григорьева М. А.* Культура как духовная константа эволюции общества // Kant. 2020. № 2 (35). С. 15-21.

Гринин, Гринин, 2023 – *Гринин Л. Е., Гринин А. Л.* Возможности и опасности технологий будущего // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 63-87.

Иванов, 2020 – *Иванов В. В.* Контуры нового мирового уклада // Философские науки. 2020. № 5. С. 7-27.

Кузнецова, 2020 – *Кузнецова Е. В.* Русская национальная культура в контексте мировой массовой культуры: проблема сохранения и развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 1 (27). С. 24-31.

Манойло, 2017 – *Манойло А. В.* «Цветные» революции как отмычка для демократии // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3. С. 142-154.

Пелевин (2021) – *Пелевин С. И.* Ценностные ориентиры технологического и технического развития общества // Ценности и смыслы. 2021. № 1 (71). С. 92-102.

Полежаев, 2017 – *Полежаев Д. В.* Философские основания национальной идентичности // Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 60-67.

Цвык, Цвык, 2021 – *Цвык В. А., Цвык И. В.* Нравственное воспитание студенческой молодежи в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 2. С. 340-353.

Daugirdas, 2021 – *Daugirdas M.* Government Agencies and Private Companies Undertake Actions to Limit the Impact of Foreign Influence and Interference in the 2020 U.S. Election // *American Journal of International Law*. 2021. No. 115 (2). P. 309-317.

Hoffmann, 2021 – *Hoffmann S.* Circulation, not cooperation: Towards a new understanding of intelligence agencies as transnationally constituted knowledge providers // *Intelligence and National Security*. 2021. No. 36 (6). P. 807-826.

Jonsson, 2023 – *Jonsson M.* Espionage by Europeans: Treason and Counterintelligence in Post-Cold War Europe // *Intelligence and National Security*. 2023. No. 39 (1). P. 77-92.

Tromblay, 2023 – *Tromblay D. E.* The FBI and foreign intelligence in the domestic setting // *Intelligence and National Security*. 2023. No. 38 (5). P. 1055-1074.

УДК 323+327

Желнова А. В.,

*аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций,
Уфимский государственный нефтяной технический университет.*

Модели внешних связей регионов России и КНР в современных условиях

DOI:10.33979/2587-7534-2025-2-192-199

В статье на материалах авторских исследований (контент-анализа, группового фокусированного интервью, сравнительного анализа) определяются актуальные модели внешних связей российских и китайских регионов. Делается вывод, что модель внешних связей российских регионов содержит в себе такие основные элементы, как российские региональные правительства и их структуры (представительства), находящиеся в полном подчинении федеральному центру, федеральное российское правительство, которое осуществляет регулирующие и распорядительные функции в сфере внешних связей российских регионов, внешние по отношению к российским регионам акторы (коммерческие и государственные организации и т.д.). В свою очередь, актуальная модель внешних связей регионов КНР состоит из таких основных элементов, как проектные команды, в которых участвуют имеющие довольно большую самостоятельность представители правительств китайских провинций, руководящие представители местных отделений КПК, представители центральных государственных органов КНР, зарубежную деятельность которых обеспечивают региональные канцелярии иностранных дел.